

Данило Игнатъевич

Во стольнѣм-то городи во Киеви
Да у ласкова князя да у Владимира
У ёго было пированьё, да был поцесьён пир
Про многих хресьян да про богатырей,
Да про всех полениц да преудалых.
Да все на пиру да сидят — пьют-едят,
Да все на пиру да пьяны-весёлы.
Владимер-от князь ходит весёл и радоцён —
По светлой-то грьдњи да князь похаживат
Да белыма руками да прирузмахиват,
Злаченыма перснями да принащалкиват,
Серебряныима скобками в пол побрякиват,
Да сам из рецей да выговариват:
«Уж вы ой еси, князи да ноньце бояра!
А и все у нас в городе нонь поженёны,
За вас красны-ти девушки повыданы, —
Един я ведь нониче холост живу,
Холост я живу да нежонат хожу.
Вы не знаете ле где-ка да мне обручници —
А обрусници мне-ка, да супротивници,
Супротивници мне-ка — да красной девици:
Щобы ростом велика да лицём хороша,
И крепка умом бы — да совершенная?»
А большы-ти хоронятысе за средьних,
А средьни хоронятысе за меньших,
А от меньших бояр — долго ответу нет!
А из-за того стола из-за середьнёго,
Из-за той же скамейки да белодубовой
Выставаёт удалой да доброй молодець,
А по имени Мишата да сын Лазурьевыць.
Он и сам говорит да таково слово:
«Государь ты кнезь Владимир да стольне-киевско[й]!
Позволь-ко-се мне-ка да слово молвити!
Не вели миня за слово скоро сказнить,
А скоро миня сказнить, скорее того — повесити,

Не ссылать миня во сылоцьки во дальние,
Не садить во глубоки да тёмны подгрёбы!»
Говорит кнезь Владимир да стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Мишата да сын Лазурьевичь!
Говори ты слово, реци да безопальнёе:
Не велю я тибя за слово скоро сказнить,
А скоро тибя сказнить, скорее того — повесити,
Не сошлю я тя в сылоцьки во дальние,
Не сажу во глубоки да тёмны подгрёбы!»
Говорит тут Мишата да сын Лазуревичь:
«Есь во далецём-далецём, да на украины,
Есь во хóрошом-хорóшом да во Черни в городи,
А есь у Данила да у Игнатъевича
А есь у ёго да молода жона,
Молода жона Марфа да доць Викулисьня.
Она ростом велика да лицём хороша,
Она крепка умом — да совершенная;
Ише есть где кого да уж кнегиной назвать,
Ише есть-де кому да поклонитесе!»
Говорит тут кнезь Владимир да стольне-киевской:
«Я дивуюсь ноньце тем рецям Мишатиным:
Ище как можно у мужа жона отнять,
Ище как можно жива мужа с женой розлуцить?»
Говорит тут Мишата да сын Лазуревичь:
«Право, плохо есь у мужа жона отнять,
Право, плохо есь жива мужа с жоной розлуцить.
Ты уж делай, Владимир-князь, почесьён пир;
Созовём мы Данила да на почесьён пир,
Посадим мы Данила да за окольней стол
И с тема ёго детеми да со боярьскима
Ище пити-исть есвы да ожурёные.
Ище много нонь Данило с тобой в супор заговорит:
„Мне-ка перво место моё Данилово —
А сидеть подли князя да по праву руку,
А второ бы место моё Данилово —
А сидеть подли князя да по леву руку;
Не сидеть бы мне за столом да за окольнием
А с тема мне детеми да со боярьскима,
А пить и исть есвы да ожурёные!” —

Скажешь: „Много ты, Данило, со мной в супор заговорил!“

Ты накинь на ёго службу тяжёлую:

Ёму съездить, Данилу, да во цисто полё,

Во цисто полё Данилу да на Буян-остров,

Поимать ёму, Данилу, да дикого вепря,

Привести вепря не бита, и не ранёна,

И нецем-де вепря не бесцестёна!»

А поехал Мишата да во Черни-город

А к тому же Данилу сыну Игнатъевицю.

А приехал ведь он да во Черни-город,

Он и сам говорит да таково слово:

«Уж ты ой еси, Данило да сын Игнатъевиць!

Тибя звал-жаловал Владимир-князь на почесьён пир».

Говорит тут Данило да сын Игнатъевиць:

«Уж я рад, су, готóв ехать ко князю да на почесьён пир!»

И поехали с Мишатой да в стольне Киев-град.

Молода ёму жона да наговариват:

«Уж ты ой еси, Данило да сын Игнатъевиць!

Ты поедёшь ведь нонь ко князю но³ почесьён пир —

Ты уж много со князём в супор не говори.

Ведь не нать быть добру, да нать быть прелести:

А всё ради гузна да ради женьского

Погибают удалы да добры молоцьци!»

Тут поехали они да в стольне Киев-град.

Тут и делал Владимир-князь почесьён пир

Про многих хресьян да и про бояринов,

А садил тут Данила да за окольней стол

А с тема он детьми ёго со боярьскимма —

А пить и исть есвы да ожурёные.

Говорит тут Данило да сын Игнатъевиць:

«Не сидеть мне за столом бы да за окольнием

А с тема ноньце детема да со боярьскимма,

А пить и ись есвы да ожурёные:

Мне-ка перво бы место моё Данилово —

А сидеть подли князя да по праву руку,

А второ бы место моё Данилово —

А сидеть подли князя да по леву руку,

А не сидеть мне-ка с детема да со боярьскимма!»

Говорит тут кнезь Владимир да стольне-киевьской:

«Уж ты много нонь, Данило, в супор заговорил!
Я накину на тибя службу тяжелую:
Тибє съездить, Данилу, да во цисто полё,
Во цисто полё, Данилу, да на Буян-остров,
Поимать тибє, Данилу, да дикого вепря,
Привезти вепря не бита, и не ранёна,
И нецем-де вепря не прибесцестёна!..»
Ище в та поре Данилу да за беду пришло,
За велику досаду да показалосе;
Как поехал тут Данило да во Чернигов-град
Ко своей-де он Марфы да ко Викулисьни.
Тут стрєцяёт ёго да молода жона,
Ище та же вєдь Марфа да доць Викулисьня.
Говорит тут Данило да сын Игнатъєвиць:
«Князь накинул на миня службу тяжэлуу:
Ище съездить мнє, Данилу, да во цисто полё,
Во цисто полё, Данилу, да на Буян-остров;
Привезти мнє-ка, Данилу, да дикого вепря,
Привезти ёго не бита да мнє, не ранёна,
И нецем-де вєпрёнка не прибєсьцестёна!»
Говорит вєдь ёму да молода жона,
Еще та же вєдь Марфа да доць Викулисьня:
«Ты поедёшь, Данило, нонь во цисто полё,
Во цисто полё поедёшь, да на Буян-остров —
Ты возьми с собой кота и рёвула,
Ты возьми с собой суцьку-наслєдьницю.
Ты завидишь нонь, Данило, да дикого вепря —
Ты спусти своя кота и рёвула,
Ты спусти свою суцьку-наслєдьницю!
Ище дик-от вєдь вєпрёнок да уполохницэ,
Ко сырому дубу гузном да приворотицэ —
Ты приди-тко-сь возьми да вепря за уши,
Ты уж выздынь вєпрёнка выше своей буйной головы,
Ты спусти-тко вєпрёнка да во сыру землю —
Отшиби у ёго хóробрость великую!
Ты поедёшь, Данило, как по цисту полю,
Тебе стрєтицьсє на поли триццэтъ недругов —
Ты уж выстрєли им да всем по стрєлоцьки!
Тибє стрєтицьсє на поли един недруг,

Он и станёт просить у тя востро копьё —
Не подавай ёму востро копьё тупым коньцём:
Ты подай ёму востро копьё вострым коньцём!..»
Тут поехал Данило да во цисто полё,
Во цисто полё Данило да на Буян-остров.
Как увидял Данило да дикого вепря —
Он спустил своя ката и рёвула,
Он спустил свою суцьку-наследьницю.
Ище дик-от вепрёнок да уполохницьсе,
Ко сырому дубу гузном да приворотицьсе —
Он пришол, как уж взял вепря за уши,
Он и вызнял вепрёнка выше своей буйной головы,
Да и спустил он вепрёнка да о сыру землю —
Он отшиб у ёго хоробрость великую!
Тут поехал Данило по цисту полю —
Ёму стретилась на поли триццэть недругов.
Опеть стретилса на поли один недруг,
Он и просит у ёго да ведь востро копьё —
Подават ёму Данило своё востро копьё,
Подават ёму копьё да он вострым коньцём.
Говорит тут Мишата да сын Лазурьевиць:
«Уж ты ой еси, Данило да сын Игнатъевиць!
Ты пощо подавашь мне своё востро копьё,
Подавашь ты копьё мне-ка острым коньцём?
Уж я, право, не видал твоя востра копя;
Подавай ты мне востро копьё тупым коньцём!»
Ище в та поре Данило да сын Игнатъевиць
Он и подал востро копьё ёму тупым коньцём.
А на ту пору Мишата да он ухватцив был:
Подпирал он Данила да на востро копьё...
Ище тут-то Данилу да смерть слуциласе.
Тут поехал Мишата да в стольне Киев-град;
Он приехал ко князю да ко Владимиру:
«Государь ты князь Владимир да стольне-киевьской!
Скажут: „Приставилса Данило да на цистом поли!..” —
Я поеду нонь за Марфой да за Викулисьней!»
Говорит тут кнезь Владимир да 7 стольне-киевьской:
«Ты загрезил нонь, Мишата, — да нонь догреживай!»
Тут поехал Мишата да во Черни-город

Ище к той ведь Марфы да ко Викулисьни.
Говорит он ведь Марфы да доцери Викулисьни:
«Скажут: „Приставилса твой Данило да на цистом поли“, —
Ты идёшь ле, не йдешь ле да ноньце за князя,
А за князя да за Владимирера?..»
Говорит тут ведь Марфа да доць Викулисьня:
«Ты свози миня к Данилову белу телу,
Мне с Даниловым белым телом проститисе —
Дак тогда бы уж дак и замуж уж ушла!»
Говорит тут Мишата да сын Лазурьевиць:
«Я свожу тебя к Данилову белу телу!»
Нарезаласе тут Марфа да доць Викулисьня;
Она в пазуху клала да ведь два ножика,
А два ножика клала да два булатные —
Тут поехала с Мишатой да ведь с Лазурьевицём.
А уж возит ей Мишата да нонь туда и сюда,
А туда он и сюда, да и неведомо куда.
Говорит тут Марфа да доць Викулисьня:
«Уж ты ой еси, Мишата да сын Лазурьевиць!
Ты уж прямо вези к Данилову белу телу,
Со Даниловым белым телом мне проститисе:
Ише тут меня вези, да где-ка вороны-ти грат!..»
Он привёз ею к Данилову белу телу.
Да пришла она к Данилову белу телу
Да и пала она да на сыру землю —
Да и пала она да не востала же:
Подкололасе на два ножа булатные.
Тут поехал Мишата ко князю ко Владимиру:
«Я привёз ею к Данилову белу телу —
А и пала она — да не востала же!..»
А затем-то Мишаты да тут славы поют,
А славы-де поют, да и старины скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 26 июля 1901 г.: д. Кильца Погорельской вол. — от Чуповой Анны Петровны (урож. д. Гришино на р. Вижас), 72 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.